

ЛИВАН: ОТ «БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ШВЕЙЦАРИИ» ДО «АРАБСКОГО СОМАЛИ»

Дата: 10.11.2021 Автор: Николай Севостьянов

Рубрика: [Ближний Восток](#)

С момента взрыва в бейрутском порту ситуация в Ливане непрерывно ухудшается. Мировые СМИ с огромным интересом наблюдают, как страна, некогда прозванная «ближневосточной Швейцарией», медленно, но верно движется в направлении коллапса. Политический кризис, топливный, энергетический – со стороны складывается ощущение, будто именно

трагедия, произошедшая 4 августа 2020 года, запустила дезинтеграционные процессы. В реальности всё не совсем так. Взрыв не породил, а лишь усугубил нарастающие не первый год политические и экономические проблемы. Чтобы в этом убедиться, необходимо рассмотреть предысторию нынешнего кризиса.

Искусственно склеенный из чуждых и зачастую враждебных друг другу этноконфессиональных анклавов, Ливан, получивший независимость в 1943 году, с самого начала был выстроен на основе «Национального пакта». Так именуется квотированная система, ставшая скелетом всего государственного механизма. В соответствии с ней, ключевые посты разделены между представителями основных общин: исключительно маронит может быть президентом, лишь суннит – премьер-министром и только шиит – спикером Палаты представителей, депутатские мандаты в которой также распределяются по конфессиональному признаку. При этом учитываются интересы не только вышеперечисленных групп, но и второстепенных, таких как алавиты, друзы, армяно-григориане и т.д.

В немного отредактированном формате (в части полномочий государственных лидеров и соотношения мусульман и христиан в парламенте) данная система действует до сих пор. Парламент избирает президента, с его одобрения премьер-министр формирует правительство, после чего депутаты должны вынести ему вотум доверия. Отлично зарекомендовав себя на начальном этапе построения государства, а также в «тучные» годы, когда ливанская экономика демонстрировала великолепные показатели, со временем основные положения «Национального пакта» вступили в серьёзное противоречие с реальностью.

Прежде всего, изменился этноконфессиональный состав. Если на момент обретения независимости христиане составляли около половины населения Ливана, то сегодня, согласно Всемирному справочнику ЦРУ, их доля сократилась до 33,7%. В реальности эта цифра может быть еще меньше, учитывая эмиграционные настроения и демографические процессы. В частности, именно христиане показывают наиболее низкую рождаемость, уступая суннитам, которые, в свою очередь, проигрывают шиитам.

Во-вторых, произошла качественная трансформация ведущих общин. В настоящий момент шииты демонстрируют наибольшую целостность, обладая полуавтономной экономикой и собственной армией в лице «Хезболлы», что позволяет говорить о расслоении государства на внешний, зачастую имитационный, контур и реальный внутренний, в рамках которого организация всё чаще подменяет собой властные институты. Вынужденно делегируя часть своих полномочий отдельно взятой общине, государство сталкивается с обратным процессом, который выражается в том, что данная

община начинает подвергаться сомнению целесообразность сохранения архаичной системы.

В-третьих, усилилась политизированность самих общин в вопросе их отношений с внешними игроками. За последние десятилетия Ливан прочно обосновался на пересечении диаметрально противоположных геополитических проектов, некоторые из которых не существовали на момент формирования государства. На данный момент Ливан рассматривается в рамках целого ряда формируемых или, наоборот, деградирующих зон влияния. Это и западная ориентация на Францию и в меньшей мере Соединенные Штаты, и уходящая концепция «Великой Сирии», и претензии Эрдогана на османское наследие, и суннитский проект под патронажем Саудовской Аравии, ну и самое главное – шиитский пояс, тщательно выстраиваемый Тегераном.

Проблема заключается даже не в том, что в большинстве случаев эти проекты имеют взаимоисключающий характер. Главный недостаток связан с тем, что в течение долгого времени благополучие Ливана сохранялось благодаря наличию внешнего управленческого центра, который выполнял функции арбитра и регулятора. Сперва эту роль играл Париж, затем – Дамаск. Сегодня же французское влияние на Ливан в значительной степени утрачено, а Сирия слишком слаба, чтобы претендовать на тот статус, который она имела в 90-х и начале 2000-х. Тегеран же не способен на эту роль в виду того, что нацелен не на консервацию Ливана, а на ликвидацию квотируемой системы и его трансформацию в шиитское государство.

В конечном счете всё это привело к тому, что явно устаревшая и не отвечающая современным реалиям квотируемая система сдержек и противовесов превратилась в главный тормоз, препятствующий формированию хоть сколько-нибудь стабильной и дееспособной государственной власти. При этом демонтаж данной системы в настоящий момент также не представляется возможным ввиду разнонаправленной ориентации целого ряда ключевых фигур.

Наиболее ярко ущербность системы проявилась в течение 15 месяцев, последовавших за взрывом в порту, когда в переломный для страны период, сопряженный с беспрецедентным социальным и экономическим кризисом, страна осталась без правительства из-за личных амбиций и взаимных обязательств первых лиц.

Как пример, премьер-министр Саад Харири так и не смог сформировать кабинет ввиду наличия острых противоречий с президентом страны Мишелем Ауном, получившим свою должность благодаря партнёрским отношениям возглавляемого его зятем Свободного патриотического

движения и «Хезболлы». Последняя, в свою очередь, находится в коалиции со старым шиитским движением «Амаль», чей лидер Набих Берри с 1992 года занимает пост спикера ливанского парламента.

Одной из главных проблем было желание Ауна лично отобрать треть министров, представляющих интересы христиан, что изначально ставило под сомнение подотчетность правительства будущему премьер-министру. После отказа Харири от формирования кабинета Аун вступил в противоречие уже со следующим кандидатом на должность премьер-министра – миллиардером Наджибом Микати. Причиной конфликта стали разногласия касательно кресла министра внутренних дел, чрезвычайно важного в условиях назначенных на весну парламентских выборов.

В конечном счете Аун был вынужден уступить лишь после угрозы введения санкций со стороны Франции и давления со стороны иранского руководства. И хотя правительство всё же было сформировано, в конце октября и его будущее оказалось под вопросом из-за дипломатического кризиса между Бейрутом и ключевыми государствами Персидского залива.

Формальной причиной конфликта стало высказывание министра информации Джорджа Кордахи, сделанное им еще за месяц до вступления в должность, в котором он назвал войну в Йемене абсурдной и обвинил возглавляемую Саудовской Аравией коалицию в агрессии. Данный вопрос действительно является крайне чувствительным для Эр-Рияда, который более чем за 6 лет боевых действий против хуситов так и не смог достичь ощутимого прогресса. Впрочем, высказывание скорее было использовано как отличный повод наказать Бейрут за всё более явное прорастание «Хезболлы» в государственный механизм Ливана.

Опасность данного конфликта в том, что он напрямую связан с действующей системой, определяющей принцип формирования ливанского правительства. Кордахи не только отказался уходить в отставку, но и получил активную поддержку со стороны «Хезболлы». Более того, её члены и союзники, входящие в состав правительства, сразу же пригрозили покинуть правительство в случае отставки Кордахи, что приведёт к краху с таким трудом сформированного кабинета. Таким образом складывается ситуация, в которой урегулирование конфликта с саудовцами целиком зависит от организации, которая является непримиримым врагом Эр-Рияда.

Все вышеперечисленные процессы опасны даже для государства, находящегося в состоянии хотя бы относительной экономической стабильности. В случае с Ливаном это накладывается на тяжелейший кризис, который, по мнению Всемирного банка, является худшим за 150 лет.

Здесь необходимо сказать пару слов о том, почему Ливан в своё время получил столь лестный титул «ближневосточной Швейцарии» и как этот статус впоследствии был утерян. Основным период ливанского экономического чуда пришёлся на 60-е – начало 70-х годов. В условиях общей турбулентности арабского мира, социалистических экспериментов и слабости еще находящихся в процессе перестройки в национальные государства «заливных» монархий Бейрут воспринимался как островок стабильности, который славился качественным образованием, развитой индустрией развлечений (в т.ч. немислимых в соседних странах) и надёжным банкингом.

Таким образом Ливаном был не только офшором, куда вкладывались все ведущие региональные игроки – от Саудовской Аравии до шахского Ирана, но и тем местом, куда шейхи и богатая ближневосточная молодежь приезжали, чтобы потратить деньги и «оторваться». Уже тогда сложился механизм ливанского процветания, базирующийся на трёх китах – банковское дело, туристический сектор и наркоторговля, в рамках которой все общины имели свою долю. Дополняли картину один из важнейших в регионе портов и чрезвычайно плодородная почва, при грамотной организации позволявшая получать фантастические урожаи.

Идиллия закончилась в 1975 году, когда страна скатилась в гражданскую войну, продолжавшуюся до 1990 года. Непосредственной причиной стали действия палестинских боевиков, создавших государство в государстве на территории Южного Ливана, но в реальности конфликт стал следствием противоречий, которые уже несколько десятилетий нарастали за фасадом внешнего благополучия.

Конфликт, осложненный вторжением Израиля и вмешательством Дамаска, не только привёл к обширным разрушениям и гибели свыше 100 тыс. человек, но и разрушил репутацию Ливана как тихой гавани в крайне беспокойном регионе. Более того, по итогам войны страна фактически оказалась под сирийской оккупацией, которая продолжалась до 2005 года.

Тем не менее, грамотная политика 41-го ливанского премьер-министра Рафика Харири (отца Саада Харири) позволила возродить Ливан и на какое-то время вернуть ему прежний статус. Основными инструментами восстановления стали масштабное строительство, приватизация и привлечение инвестиций из стран Персидского залива. Тогда же курс ливанской валюты был заморожен на уровне 1507,5 фунтов за доллар США. Фундаментальным недостатком выстроенной системы была непосредственная зависимость ливанской экономики от непрерывного притока твёрдой валюты. Кроме того, в качестве побочного эффекта Ливан получил огромный внешний долг и чудовищный перевес в торговом балансе

- импорт в 4 раза превышал экспорт.

И всё же какое-то время система работала. Несмотря на тревожные звоночки еще в 1999 году, когда ливанская экономика впервые за послевоенный период показала отрицательные значения, всего с 1990 по 2010 гг. рост ВВП составил 119%, более того, приток валюты, необходимый для поддержания курса, продолжался даже несмотря на израильское вторжение летом 2006-го и мировой экономической кризис 2008 года.

Обратной стороной позитивных индикаторов были внутренние и внешние процессы, подрывавшие долгосрочные перспективы ливанской экономики. Прежде всего, это тотальная коррупция, блокирующая социальные лифты и пронизывающая государство на всех уровнях. Так, по заявлениям французских и швейцарских СМИ, глава ливанского Центробанка Риад Саламе, занимающий этот пост с 1993 года, выстроил собственную империю внутри регулятора, а сам стал её центральным элементом, незаменимым для ключевых игроков ливанской политики.

Росту коррупционного навеса сопутствовали естественные процессы в самом регионе, где появились куда более надёжные офшоры, что вкупе с усилением таких финансовых и туристических центров, как Дубай и Абу-Даби, лишило Бейрут его прежних преимуществ. Всё это шло рука об руку с масштабной экспансией «Хезболлы» и перехватом ею контроля над потоками наркотиков, идущих через Ливан в Европу и на Аравийский полуостров.

К 2019 году экономика Ливана демонстрировала всё больше признаков надвигающейся катастрофы. Дефицит бюджета составлял уже 10%, а госдолг достиг внушительного объема в \$79 млрд, что составляло почти 150% ливанского ВВП. По итогам года безработица среди молодежи выросла до 37%, а ВВП просел на 6,7%. Тогда же Центробанк перестал справляться с поддержкой фунта, после чего в стране возник параллельный «черный» валютный рынок. На фоне этого в стране начались проблемы с водоснабжением и электричеством, что в свою очередь привело к контрабанде топлива и генераторов.

За жесткими мерами экономии последовали массовые протесты и смена кабинета, а уже 7 марта 2020 г. Ливан объявил дефолт по погашению еврооблигаций, что закрыло доступ на международные кредитные рынки. Параллельно с этим зашли в тупик переговоры с МВФ, который выдвинул целый ряд неприемлемых для ливанского руководства условий, таких как девальвация национальной валюты, снятие экспортно-импортных ограничений и борьба с коррупцией, в т.ч. через независимый аудит Центробанка, что сразу же вызвало мощнейшее противодействие

замешанных в серых схемах элит.

Таким образом к моменту взрыва в порту Ливан уже находился в состоянии комплексного всестороннего кризиса, который к тому же усугубила пандемия COVID-19, окончательно добившая туристическую отрасль и нанеся значительный ущерб связанным с ней сферам экономики. При этом гибель более чем 200 человек и масштабное разрушение инфраструктуры и жилого сектора, помноженные на халатность чиновников, допустивших подобное развитие событий, серьёзным образом осложнили ситуацию.

Кроме того, расследование взрыва само по себе стало фактором внутренней нестабильности, поскольку запрос общества на справедливость наткнулся на мощное противодействие ливанских элит. Дошло до того, что первый судья по данному делу был от него отстранен, а второй – Тарек Битар – столкнулся не только с юридическим противодействием, но и с угрозами со стороны функционеров «Хезболлы», которая видит в расследовании политическую подоплёку.

С середины 2020 года Ливан оказался в состоянии «идеального шторма», где политический и финансовый кризисы наложились на гуманитарную катастрофу и психологический эффект от эпидемии коронавируса. ВВП упал еще на 19,2%, а в абсолютном выражении с 2018 по 2020 гг. экономика Ливана сократилась с \$55 млрд до \$33 млрд. Что касается инфляции, то она достигла 84%, а кредитный рейтинг, стабильно высокий в течение многих лет, оказался заморожен на значении «дефолт».

К весне текущего года курс ливанской валюты на черном рынке уже пробил значение 10 тыс. фунтов за \$1. Локальное дно было достигнуто в июле, когда курс доллара вырос на 23 тыс. фунтов. И хотя долгожданное формирование правительства позволило фунту временно укрепиться до 15 тыс. за \$1, затем национальная валюта вновь продолжила снижение.

Вследствие резкого сокращения военного бюджета (почти на 90% в реальном выражении) и снижения зарплат (в настоящий момент новобранец может рассчитывать примерно на \$80 в месяц) армия, как один из последних действующих ливанских институтов, также начала распадаться, несмотря на активные попытки внешних игроков, прежде всего США, затормозить этот процесс путём точечных финансовых вливаний.

Кроме того, страна вступила в состояние перманентного энергетического кризиса со всеми его атрибутами – веерными отключениями,

многокилометровыми очередями на заправках, нехваткой топлива для генераторов и техническим износом последних. Сложившаяся ситуация многократно увеличила санитарные риски и поставила Ливан перед угрозой коллапса системы водоснабжения. Кроме того, колоссальный урон был нанесён больницам и частным клиникам, что в совокупности с перебоями в поставках лекарств и приходом в страну «дельта»-штамма привело к фактическому крушению всей медицинской системы.

По данным Всемирного банка, 78% населения Ливана уже находится за черной бедности, и это значение будет только расти. Правительство по-прежнему не в состоянии переломить доминирующие тенденции и способно лишь на точечные действия. Существующие проекты стабилизации, в частности в сфере энергетики, разрабатываются в расчете на помощь международных фондов и третьих стран и не способны дать немедленный эффект.

Не удивительно, что в этих условиях «Хезболла» продолжает подменять собой государство, в частности в области закупок горючего из Ирана, что было крайне негативно воспринято лидерами нешиитских общин. Тем не менее, даже эти попытки носят весьма ограниченный характер и скорее имеют пропагандистский, нежели реальный эффект.

В свою очередь, это способствует нарастанию конфликтного потенциала, что уже привело к эскалации 14 октября, когда были убиты 7 участников демонстрации, организованной «Хезболлой» и движением «Амаль», после чего шиитские лидеры обвинили «Ливанские силы» – правохристианскую политическую партию – в том, что она выполняет саудовский заказ. При этом в самой ЛС отрицают какую-либо причастность к нападению, однако надо отметить, что именно «Ливанские силы» наряду с движением «Будущее» Саада Харири входят в число главных противников иранского влияния в стране.

Подобные инциденты крайне опасны в нынешней обстановке, поскольку наводят на определенные параллели с процессами, которые в своё время привели к гражданской войне. Тем не менее, на данный момент подобное развитие событий едва ли возможно. Обладая колоссальным перевесом в финансовых ресурсах, вооружении и мобилизационном потенциале, руководство «Хезболлы» не настроено на подобный сценарий, предпочитая ему стабильную экспансию во все сферы общественно-экономической жизни.

Это вполне логично. Несмотря на то, что ни одна сила в Ливане не способна конкурировать с шиитским движением, его сторонники отдают себе отчет, что в случае возникновения даже локального очага гражданской войны

конфликт очень быстро примет тотальный характер, и по его итогам «Хезболла» будет править разрушенной страной, которая окажется в международной изоляции и сможет рассчитывать только на Иран, чьи финансовые возможности (в отличие от инструментов дестабилизации региона) крайне ограничены. Вероятнее всего, в ближайшие месяцы мы не увидим реальных подвижек в разрешении ливанского кризиса, а первоочередной целью нынешнего кабинета станет проведение парламентских выборов, назначенных на 27 марта 2021 г. Тем не менее, по мнению IHS Global Insight, в преддверии выборов протесты вполне могут достигнуть уровня 2019 г. Что касается локальных вспышек насилия и межконфессиональной вражды, то хотя на данном этапе они и будут нивелироваться прагматичной позицией руководства большинства значимых ливанских организаций, конфликтный потенциал будет только нарастать, что чревато трудно прогнозируемыми последствиями уже в среднесрочной перспективе.